

ЭЛИЗАБЕТ БЭР

НРАХ

FAN|ZON

МОСКВА

**ЛЕСТНИЦА
ИАКОВА**

**ПРАХ
ХОЛОД
ГРААЛЬ**

ELIZABETH BEAR

DUST

ЭЛИЗАБЕТ БЭР

НРАХ

FAN|ZON

МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б97

Elizabeth Bear

DUST

Copyright ©2007 by Elizabeth Bear

Опубликовано с разрешения автора и его литературных агентов:
Литературное агентство Дональда Маасса (США)
при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия)

Перевод с английского *Михаила Головкина*

Иллюстрация и дизайн *Елены Куликовой*

Бэр, Элизабет.

Б97 Прах / Элизабет Бэр ; [перевод с английского М. Головкина]. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-216064-6

В результате аварии корабль поколений «Лестница Иакова» встал на орбиту у умирающей звезды. За 500 лет фрагменты управляющего искусственного интеллекта корабля приобрели статус архонтов, ангелов, элементалей и мифических существ с потерянной Земли. Потомки Капитана, «возвышенные» имплантированными симбионтами, обрели сверхчеловеческие силы и теперь ведут борьбу за власть, обитая в разных частях корабля, который стал для них целым миром. За распрями люди забыли, что их ждет неминуемая катастрофа, но ангелы помнят все, храня в своих библиотеках память старых членов команды. Пришло время объединить отдельные части, и ангелы ищут нового Капитана, чтобы снять корабль с якоря.

Персеваль и Риан объединены тайной рождения. Им предстоит довериться ангелам, чтобы спасти свой мир, ограниченный металлической обшивкой космического гиганта.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© М. Головкин, перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-216064-6

Свет из высокого окна

Знать все — это значит не все прощать,
а всех презирать.

Квентин Крисп

В УГЛУ ОКНА ПОЛУПРОЗРАЧНЫЙ ПАУК плел паутину. Наметанный взгляд Риан заметил паука и то, как лучи света отражаются от его плетения. Но Риан не стала рвать нити и сметать паутину тряпкой. Она прижалась к стене между окном и дверью, словно паук, и затаила дыхание, молясь, чтобы ее не заметили, — ведь леди Ариан Конн и ее рыцари привели обнаженную пленницу из Двигателя.

Судя по ее цепям, пленница была благородных кровей. Их петли, похожие на растекшиеся капли ртути, извивались на ее запястьях. Это была древняя колония нанотеха, дорогая — дороже рубинов — и редкая, позволявшая бороться с любыми нежелательными трансформациями.

Никто не стал бы тратить такие цепи на плебея, когда подошли бы и дешевые прессованные. О высоком происхождении пленницы говорило и ее поведение; она шагала уверенно, бесстыдно, заставляя нанотех лететь по полу за ней, словно шелковые фестоны. Об этом же свидетельствовала и ее бело-голубая кожа цвета кислого молока.

Высокая худая девушка казалась почти бесполой; она не вызывала никаких эротических чувств, несмотря на то что на ее теле не было ничего, кроме цепей, потеков синей крови и слоя грязи. Если не считать подбородка и скул, широкими

у нее были только мускулистые плечи и грудь. Даже ее голые ступни казались узкими и изящными.

Руки пленницы закрывали изгибающиеся цепи, но Риан решила, что они должны быть такими же. Более того, пленницу сопровождали полдюжины рыцарей Ариан; на абляционных панцирях висело лучевое оружие, а лица воинов были скрыты за темными щитками шлемов. Девушка — не старше чем Риан, но куда более величавая — принадлежала к одной из Семей.

Крутя в руках тряпку для полировки, Риан вернулась к другим горничным с верхнего этажа — и вздрогнула от неожиданности, когда ей на плечо легла ладонь Головы. Изогнув шею, Риан краем глаза заметила угловатый профиль Головы и длинные морщины, протянувшиеся вдоль его носа.

— Война будет? — прошептала она.

Голова стиснул ей плечо.

— А когда ее нет? Не бойся, девочка. Мы ниже солдат, нас это не касается.

Рот Риан округлился.

— А кто она тогда?

Ладонь Головы скользнула по плечу Риан и задела ее локоть.

— Это сэр Персеваль. Они хотят, чтобы в камере ее хорошо кормили.

Огненный взгляд закованной в цепи девушки пролетел по комнате, словно луч прожектора. Заметив его, Риан опустила голову.

Голова откашлялся.

— Ты справишься.

Уход за пленницей. Работа не для горничной с верхнего этажа. Работа не для простой девушки.

— Но...

— Тихо, — сказал Голова.

Слова у Риан все равно закончились — ведь когда девушка-рыцарь, сэр Персеваль, прошла мимо — спина прямая, под-

бородок задран, глаза расширены, — Риан вдруг увидела то, что не заметила раньше.

Из двух глубоких резаных ран между лопатками девушки по ее спине и хребту тянулись, словно что-то нащупывая, два лазоревых каната крови. Они извивались каждый раз, соприкасаясь друг с другом, словно колонны муравьев-разведчиков.

Их усилия были напрасны, ведь крылья, которые они искали, кто-то срезал под корень. И, судя по выражению лица Ариан, дочери лорда, которая шагала рядом с пленницей, то увечье останется с девушкой навсегда.

О ногу Ариан на каждом шаге шлепал антимеч, висевший у нее на поясе. Этот меч называли «Невинность», и он был очень древний.

Риан подняла руку ко рту и прокусила кожу до кости, а искалеченную демоницу из Двигателя повели по коридору, а затем вниз по лестнице, прочь.

Когда что-то защекотало кожу в ямке ключицы, поначалу Персеваль решила, что звенья серебряного ожерелья, которое она всегда носила на шее, изогнулись, облекая кость. Но затем она пришла в себя и вспомнила, что она в плену у Дома Власти и ожерелье отняли у нее вместе с одеждой. Тогда она подумала, что ее щекочет локон. Но когда она повернула голову, по ее шее и плечам ничего не скользнуло. Ее обрили: еще одно унижение, и далеко не худшее.

Руки Персеваль заковали в кандалы у нее над головой, и когда она перенесла на них вес тела, ощущения быстро вернулись к ней. Цепи не были холодными и твердыми, но могли растягиваться, словно смоченный маслом шелк. Сражаться с ними — все равно что с рекой, словно ребенку бороться со взрослым.

Но она все равно должна сражаться.

Она согнула руки в локтях, потянула за узы, за листы нанотеха, которые приковывали ее ноги к полу.

Ей было больно, хотя теперь ее вес уменьшился вдвое, хотя ее плечи были обстрижены и стали такими же голыми, как и ее голова. Гравитация в Доме Власти была высокой. Мышцы плеч и груди рефлекторно напряглись; раньше после этого движения прозрачная, нагретая кровью мембрана обхватила бы воздух, но сейчас Персеваль лишь ощутила, как повернулись обрубки костей в недавно зарубцевавшихся ранах.

Забывтое щупальце крови, все еще разыскивающее отрезанное крыло, защекотало ей горло.

По крайней мере, здесь был свет — свет из высокого окна; теплый и пыльный, он падал на ее голову и плечи. Персеваль знала: он, как и ветерок, который гулял между прутьями решетки, нужен лишь для того, чтобы поиздеваться над ней, но она все равно считала это небольшой удачей. Если ей суждено умереть, то, по крайней мере, перед смертью она будет видеть солнца, и их сила напитает ее кости.

Она обхватила пальцами листы нанотеха, напряглась, чтобы сомкнуть онемевшие пальцы, стала сжимать и разжимать кулаки. Ощущения вернулись к ней — вместе с иголочками, покалывающими кожу, электрическими разрядами, бегущими по усмирленным нервам.

От усилий струпья на ранах треснули, и кровь снова потекла вдоль позвоночника, повторяя очертания ягодиц. Кровь была горячее солнечного света.

Она не будет плакать по крыльям. Здесь она вообще не будет плакать.

Она снова потянула за цепи и остановилась только тогда, когда до нее донеслось эхо шагов на лестнице.

Риан спускалась по спиральной лестнице, сделанной из поликарбоната; одним локтем она опиралась о стену, чтобы не потерять равновесие, поскольку в руках она несла поднос. Сквозь лестницу пролетал солнечный свет, и поэтому Риан отбрасывала тень на металлический пол в семи этажах под ней.

Ее туфли позвякивали по ударопрочному пластику, и этот звон отражался от крыши и стен.

Пленница поймет, что Риан идет к ней, и на это, конечно, и был расчет.

У основания лестницы находился арочный дверной проем, а за ней — короткий коридор. Двери здесь не было: того, кто может вырваться из наноцепей, физические барьеры не останвят. Риан прошла мимо закрытого на ключ и защищенного ловушками пункта управления и оказалась в просторном, хорошо освещенном подземелье.

Персеваль висела на своих узах, словно марионетка, — голова опущена, пальцы обмякли. Она не шевелилась, но Риан показалось, что ее глаз быстро блеснул.

— Я принесла еду, — сказала Риан и поставила поднос на раскладывающуюся подставку у двери.

Она принесла пленнице кашу из приготовленной на пару квиноа с медом и соевым молоком и кувшин с мятным чаем. Простая пицца, но питательная: сама Риан ела на завтрак то же самое, правда, сейчас еда уже немного остыла.

Риан взяла миску, прозрачную пластмассовую ложку и впитывающую салфетку и подошла к висящей на цепях пленнице, силуэт которой очерчивал падающий свет.

— Подними голову, — сказала Риан, стараясь, чтобы ее голос звучал сурово. — Я знаю, что ты не спишь.

К счастью, миска была прочной. Потому что когда пленница подняла голову, мигнула (ее глаза были такого же цвета, что и мятный чай, и столь же прозрачные) и сказала: «Привет, Риан», — служанка уронила миску.

Прах закрыл глаза и откинулся на спинку кресла, стоявшего рядом с наколдованным огнем. Настоящий огонь, разумеется, здесь разводить нельзя; он — ужас, который сожрет незаменимый кислород и наполнит герметизированные пространства убийственным дымом, но мерцание, тепло

и свет запрограммированной подделки подойдет Праху, ведь он сам — подделка.

Он положил ноги на стол и прислушался к ливню, который заливал крепостные стены. Вода текла по окнам из поликарбонатов, стекала в сделанные с предельной точностью примитивные водосточные желоба, собиралась на покрытых мхом камнях и грохотала, падая на покатые плечи дома Праха.

Над головой скрипело небо — видимо, где-то в чреве мира сломалась схема. Дождь, не соответствующий времени года, будет идти и дальше — до тех пор, пока кровь мира не залечит рану; анкор Праха омоет вода, которая, несомненно, сейчас нужна в дальних трюмах и доменах. Солнечный свет в ядро не проникал, если не считать того, который отражался от оснащенных длинными линзами и зеркалами каналов в коже мира, а вот воды было в избытке. Через небо Праха, извиваясь, текла половина рек мира.

Он вдохнул холодный воздух и улыбнулся. Дождь, омывающий его дом, щекотал его — воспоминание о ласковом прикосновении к коже, которая не испытывала ничего подобного уже несколько веков.

Он потерял значительную часть мира, когда утратил остальную часть себя, но все, что произошло *здесь*, он знал. Это знание он сохранил, хотя и изменился.

Зацепившись перстнем за карман серебристо-белого парчового жилета, Прах нащупал часы. Серебряная цепь под пальцами была холодной, словно дождь тек и сквозь них.

Когда Прах поднял часы к глазу, он не стал ни поднимать веко, ни обнажать кристалл. Ему не нужны были часы, ему не нужно было смотреть на них, ему не нужен был этот жест. Он знал время; оно текло внутри его с атомной четкостью. Но сама церемония тем не менее доставляла ему удовольствие.

— Скоро полночь, — сказал он, обращаясь к пустой комнате. Его голос зазвенел, отражаясь от каменных стен и тихих, сплетенных вручную ковров. Прах сел прямо, открыл глаза

и убрал часы. Белые рукава раздулись, когда он встал и подошел к окну, где отраженный свет солнц храбро, но тщетно пытался пробиться сквозь толщу воды.

— Уже почти полночь, — сказал Прах и небрежно провел пальцем по запотевшему стеклу. Дом подался навстречу его ладони, отзываясь на ласку. — А еще столько дел.

Словно фокусник, он извлек из воздуха бокал бренди и покрутил его перед носом, втягивая в себя аромат напитка.

У бренди был острый аромат дождя — такой, какого у настоящего дождя не было, — и шоколада. Распыленные молекулы защекотали рецепторы Праха, и он с улыбкой сделал глоток.

Он разговаривал с дождем так, словно тот его слышит, хотя и знал, что мир давно оглох. Но у Праха была только память; все, что у него осталось, — это память и ритуал, а также склонность к театральным эффектам, доведенная до совершенства в ходе многовековой практики.

— Клянусь стихиями, клянусь десятью сторонами света, я не забыл. Меня зовут Иаков Прах, и я не забыл.

При желании Прах мог бы заглянуть за стену дождя, дотянуть свои органы чувств до кожи мира. Он мог бы удлиниться, расшириться, вращаться в туман и подлесок, вцепиться невидимыми пальцами в прозрачную шкуру мира, добраться до точек за его пределами, до холодной и пустой тьмы, где горит свет звезд и временных солнц. Он мог погладить огромную, покрытую воронками шкуру, ее искореженные солнцезащитные козырьки и солнечные панели, старые раны и травмы, для ремонта которых просто не хватало ресурсов. Он мог бы дотянуться до многочисленных трюмов, анкоров и владений, до камер и хранилищ мира. Если ему не мешали, то в определенных местах он мог бы даже добраться до давно остывших двигателей и разорванных ядер реакторов, пройти сквозь жилища плебеев и аристократов во дворцы Двигателя и Власти. Но не все пути были открыты; часть из них ревностно охраняли его братья.

Элизабет Бэр. ПРАХ

Однако он мог погладить по щеке отправленного в ссылку принца, и принцессу, которая станет капитаном, и закованную в цепи Персеваль в ее подземелье.

И об этом узнают только ангелы.

Но мир был огромен и в значительной части сломан; он уныло полз по орбите вокруг этих звезд. А Иаков Прах, как и мир, сейчас уже был совсем не таким, как прежде. Он мог бы сделать все это, если бы захотел, но это истощило бы его. А здесь были те, перед которыми он боялся демонстрировать свою уязвимость. Пока боялся.

Те, кто живут на тихих кухнях, знают всё

В доме Отца Моего обителей много.
А если бы не так, Я сказал бы вам: «Я иду
приготовить место вам.

И когда пойду и приготовлю вам место,
приду опять и возьму вас к Себе, чтобы и вы
были, где Я».

Евангелие от Иоанна 14:2

ЧАСТЬ МОЛОКА И КАШИ ПРОЛИЛАСЬ, когда Риан уронила миску. Еда забрызгала лодыжку Персеваль, и ее цепи выгнулись навстречу пище, готовые перейти к обороне. Но, попробовав пролитое на вкус, они отступили — и Персеваль невольно подумала о том, что произошедшее потрясло их и сбilo с толку.

— Прости, — сказала Персеваль. — Я не хотела тебя пугать. Это мне, Риан?

Девочка замялась, глядя во все глаза на Персеваль. Она была маленькой, хрупкой, с изящными чертами лица. Безумная пена ее вьющихся черных волос была обрезана на уровне плеч и собрана воедино с помощью дешевых, но симпатичных заколок — пластмассовых паучков с цветными глазами. Паучки сплели между собой прозрачную сетку для волос.

Девочка была совсем не похожа на мать, но, с другой стороны, кто вообще на нее похож?

— Это тебе, — выдавила она и нагнулась за миской. К счастью, миска не перевернулась.

Она подняла с пола и ложку, а затем вытерла ее подолом бурой блузки. Как будто сейчас Персеваль могла расстроить грязная посуда.

Когда Риан снова посмотрела на Персеваль, та развела руки в стороны, демонстрируя свою беспомощность. Персеваль, закованная в цепи, не могла есть самостоятельно: напряжение, словно жидкое пламя, текло по ее шее и плечам, и это причиняло ей даже больше боли, чем отсутствие крыльев. «Ариан Конн», — сказала себе Персеваль и почувствовала себя немного глупо. Она не выйдет на свободу и не сможет сразиться с леди Ариан, даже если произнесет ее имя хоть тысячу раз.

И в любом случае Ариан — старшая из живых и общепризнанных дочерей Аласдера Конна, который был Командором с тех пор, как умер последний Капитан. Почти пятьсот лет, почти с тех пор, как закончилось движение. Она — птица совсем другого полета.

Вот только здесь — совсем без присмотра — оказалась эта девочка Риан; ее, похоже, без какой-либо задней мысли отправили прислуживать Персеваль. Для нее, инженера из Дома Двигателя, это было настоящее чудо. Возможно, даже здесь, во Власти, у нее есть друг.

Персеваль встала на подушечки стоп, чтобы уменьшить давление на руки.

— Я накормлю тебя, — сказала Риан, словно заметив жест Персеваль.

Она зачерпнула ложкой кашу и подняла ее — Персеваль нужно было лишь сдвинуть подбородок вперед, чтобы добраться до еды.

Разумеется, в кашу могли что-то подмешать, но, с другой стороны, ее же заковали в наноцепи. Если они хотят допросить, отравить или убить ее, в их распоряжении есть более простые методы.

И Персеваль не сомневалась в том, что эти методы будут использованы.